
Ева Адамова
Осколки нас
18+

Ева Адамова

Осколки нас.

https://litres.ru/74722782
SelfPub; 2026

Аннотация

Она думала, что заслужила право на выдох. Казалось, самое страшное позади, а впереди — только свет. Но счастье оказалось иллюзией, которая разбилась вдребезги в один день. И разрушил её не враг, а тот, кому она доверяла свою жизнь. Она ползает по осколкам своей души, пытаясь склеить разбитое, даже не догадываясь, что это затишье — обман. Самое страшное ещё даже не постучалось в дверь.

Ева Адамова
Осколки нас.

Я вернулась домой. Как же здесь хорошо, тихо. Меня не было два дня.

Я была на похоронах тёти — маминой двоюродной сестры. Она была невероятно добра ко мне, по-настоящему помогала бабушке с дедушкой, когда они взяли надо мной опеку. Я просто не могла не проводить её в последний путь.

Всё случилось так неожиданно. Артур, мой любимый, не смог приехать и поддержать меня — у него были важные переговоры в другом городе. Мы решили, что я поеду, хотя он очень не хотел меня отпускать одну.

Это была его первая командировка без меня. Но по-другому было нельзя. Это бизнес. И я не могла не поехать на похороны, никогда не простила бы себя за это.

Артур приехал только вечером. Он вошёл в квартиру, обнял меня, и я наконец-то выдохнула. Всё встало на свои места. Я теперь точно дома. Ведь мой дом — это он.

Дни снова потекли своим чередом, но что-то неуловимо изменилось. Настроение Артура стало до странности изменчивым. Он часто смотрел на меня подолгу и ничего не говорил. На все мои встревоженные вопросы он лишь отшучивался, говорил, что просто любуется.

Иногда он вдруг раздражался, срывался на меня по мело-

чам, но, как мне казалось, совершенно беспочвенно. Я старалась себя убедить, что это просто временно. Ну, нет настроения, с кем не бывает. Я гнала от себя любые дурные мысли, списывая всё на его усталость.

Артур пригласил меня в ресторан. Я готовилась к этому вечеру с особым трепетом: долго выбирала наряд, сделала причёску и свежий маникюр. Я почти не сомневаюсь, что сегодня он сделает мне предложение.

Наверное, именно поэтому он так странно себя ведёт — ужасно нервничает. Честно говоря, не понимаю, почему. Он же точно знает, что я не откажу. Я, наоборот, весь день летаю на крыльях от счастья. Наконец-то мы станем настоящей, полноценной семьёй, и я буду женой самого красивого мужчины. Улыбка просто не сходила с моего лица.

Первым делом я позвонила своей самой близкой подруге, Юльке, чтобы поделиться радостью. Мы с ней неразлучны с самого детства. Вместе уехали из нашего маленького городка, вместе жили в общежитии, окончили институт, а потом ещё несколько лет снимали одну квартиру на двоих. Юлька нашла своё счастье чуть раньше меня — уже больше двух лет она замужем, и у неё растёт маленький сыночек. Ирония судьбы в том, что её мужем стал наш общий преподаватель по высшей математике. Но, что удивительно, они — невероятно гармоничная пара, и я по-настоящему рада за них.

С Артуром мы познакомились по чистой случайности. Я тогда перебегала дорогу в неположенном месте, опаздывала

на автобус и, наплевав на все правила и собственную безопасность, буквально бросилась под колёса его машины. Если бы не его молниеносная реакция, я бы, наверное, сильно покалечилась. Он едва задел меня, но я всё равно упала, и на ноге потом расцвёл огромный синяк. Самое удивительное, что он не стал кричать или ругаться. Артур помог мне подняться и даже довёз до съёмной квартиры. Так и началось наше общение. Настоящая любовь с первого взгляда.

Артур — успешный и состоятельный человек, и поначалу мне было неловко звать его в своё скромное съёмное жилище. Но он относился ко мне с такой искренностью и теплотой, что у меня не осталось ни тени сомнения: он принимает меня такой, какая я есть, со всем моим прошлым.

Его семья живёт в Италии. Отец — итальянец, а мама — русская. Там же, в Италии, осталась и его сестра с мужем и двумя детьми. Сам Артур говорит, что его настоящая родина — Россия. Именно здесь, в Москве, где прошло его детство, он с помощью отца построил свой бизнес и окончательно вернулся больше десяти лет назад.

Сейчас ему тридцать четыре, а мне двадцать три.

Разумеется, он тут же взял меня к себе на работу — просто чтобы я всегда была рядом.

У нас с Юлькой была ещё одна подруга, Аня. Мы познакомились с ней уже в институте, и я до сих пор не понимаю, как так вышло, что мы начали общаться. Она как-то очень

навязчиво влилась в нашу компанию. А когда мы с Артуром стали встречаться, Аня совсем не давала нам побыть вдвоём: постоянно напрашивалась в гости или на прогулки. В силу своего мягкого характера я просто не могла ей отказать, боясь обидеть, и везде брала её с собой. Но в один из таких вечеров она перешла черту — стала в открытую флиртовать с Артуром и даже попыталась его поцеловать. Артур сам её выгнал, и с тех пор, вот уже полгода, мы с ней не общаемся.

— Юлька! Наверное, сегодня я стану невестой! — завизжала я в трубку.

— Поздравляю! — с таким же визгом ответила она. — Так, а почему «наверное»? Я уверена, что точно станешь! — засмеялась подружка.

— Последние две недели он сам не свой. Нервный, грустный что ли...

— Ой, ну он же просто дико переживает, как всё пройдёт! Уверена, он устроил тебе невероятный сюрприз, у него ведь есть все возможности. Ух, ну и отхватила же ты себе лакомый кусочек! — снова звонко рассмеялась Юлька, заставляя и меня подхватить её веселье.

Я вышла из такси. Артур уже ждал меня у входа. Всё было так волнительно, как в сказке — я чувствовала себя Зо-

лушкой, приехавшей на бал. Он взял меня под руку и повёл внутрь. Мы сели за столик, и нам тут же принесли по бокалу шампанского.

Артур был просто неотразим. Его глаза горели, как две серые льдинки. Он взял бокал и, не сводя с меня взгляда, заговорил:

— София, я давно думал о том, что мне пора создавать семью. Чтобы рядом была любимая женщина, мой смысл жизни. Я нашёл такую. – я слушала, затаив дыхание, и улыбка не сходила с моего лица. — Я уверен, что ты желаешь мне только добра. – я отчаянно закивала в ответ.

Артур достал коробочку и открыл её.

— Надеюсь, моя любимая оценит его по достоинству, — сказал он, почему-то не торопясь надевать кольцо мне на палец. — Спасибо, что пришла в мой самый волнительный день, чтобы поддержать. – тут я совсем растерялась. У него какой-то сценарий?

Что он делает? Почему не надевает? Это какая-то игра? Проверка? Мысли заметались в голове испуганными птицами. Поддержать? В какой день? Я смотрела на бархатную подушечку, на идеальное, холодное платиновое кольцо и чувствовала, как улыбка медленно сползает с моего лица, превращаясь в растерянную гримасу.

Его взгляд скользнул мне за спину. Артур ещё шире улыбнулся — хищно, победно — и встал. В его руках уже был огромный букет красных роз. Кому? Я обернулась и увидела

Аню. Ту самую Аню. Она стояла у входа, поправляя волосы, и выглядела так, будто пришла на собственное торжество.

Сердце не просто заколотилось — оно пропустило удар, а потом рухнуло куда-то в ледяную пропасть. Нет. Нет-нет-нет. Это какая-то глупая шутка. Розыгрыш. Но я видела его глаза. В них не было и капли шутки. Там было торжество.

Артур подошёл к ней, вручил цветы и взял за руку. Её руку. Нежно, собственнически.

— Ань, ты выйдешь за меня замуж? — сказал он, опускаясь на одно колено прямо здесь, с коробочкой в руке.

Время остановилось. Звуки ресторана — звон бокалов, приглушённые голоса, музыка — исчезли. Остался только этот голос. Его голос, который ещё вчера шептал мне в ухо слова любви, пока я засыпала.

— Да! Да! Да! — завизжала Аня, бросаясь ему на шею.

Он надел кольцо на её палец, а потом поцеловал в губы. Простым, быстрым, уверенным поцелуем, коснулся её губ своими. Это не может быть правдой. Мой мозг отказывается это обрабатывать. Это сон. Самый страшный, самый унизительный сон в моей жизни. Сейчас прозвенит будильник, я проснусь в нашей кровати, он будет спать рядом, и я буду смеяться над этим бредом.

Я сидела и не могла пошевелиться. Ноги стали ватными, чужими. Вдох. Нужно просто сделать вдох. Почему я не могу вдохнуть? Я с силой впилась ногтями в свои ладони, пытаясь болью разбудить себя, вырвать из этого кошмара. Боль обо-

жгла, острая и настоящая. Но ничего не изменилось. Артур по-прежнему обнимал её.

Он оторвался от её лица и посмотрел на меня. Прямо в глаза. Прожигающим, ледяным взглядом. В нём не было ни стыда, ни сожаления. Там было чистое, незамутнённое упоение. Он как будто упивался тем, что сейчас растоптал меня, унизил, уничтожил. Он всё спланировал. Пригласил меня, свою «подругу», чтобы я стала зрительницей в его театре. Чтобы Аня видела, как он унизил меня. Чтобы я корчилась на этом стуле, пока они празднуют.

— Спасибо, Сонь, что пришла и поддержала меня, — сказал он мне. Голос звучал ровно, почти ласково, и от этой «нормальности» становилось ещё страшнее. Он обнял Аню за талию и повёл к нашему столику, усадив её в кресло. Рядом с собой.

Я взглянула на неё лишь на мгновение. Но этого хватило. Чтобы увидеть её сияющее, торжествующее лицо. Она победила. Она получила всё.

Соберись. Просто встань и уйди. Не давай ему этого зрелища. Не смей плакать при них. Не знаю, как я смогла выдавить из себя улыбку — жалкую, кривую маску. Не знаю, зачем вообще это сделала. Наверное, сработал инстинкт самосохранения. Мне так хотелось не потерять свою гордость в последние секунды, не хотелось быть оплёванной, растоптанной и униженной прямо у них на глазах.

Я встала, хотя ноги совсем не держали.

— Ну что ж... Пользуясь случаем, хочу поздравить вас. — мой голос прозвучал откуда-то со стороны, чужой и звенящий. — И пожелать вам долгих лет счастливого брака. Желаю вам счастья. У вас получилась настоящая пара, стоящая друг друга. Ведь каждый из вас не гнушается низкими поступками, предаёт и уничтожает. Совет вам, да любовь.

Я залпом выпила ледяное шампанское, даже не почувствовав вкуса. Поставила бокал. И, не оборачиваясь, пошла к выходу.

Я практически выбежала из ресторана, завернула в какой-то тёмный двор. На улице начался мелкий дождь. Я хотела кричать, плакать, но не могла — просто окаменела внутри. Вызвала такси и поехала в нашу с Артуром квартиру.

Влетев внутрь, я стала судорожно собирать вещи. Взяла только самое необходимое, оставив ему все его подарки — пусть донашивает Аня. Я действовала на каких-то инстинктах. Очнулась я уже в автобусе, который вёз меня к себе домой. Туда, где меня никто не ждёт. Туда, куда я больше всего не хотела возвращаться.

Я отключила телефон. Не хочу ни с кем говорить.

К маме я не пошла. Это не тот человек, который может поддержать. Она ненавидела меня всю жизнь просто за то, что мой отец, которого она любила, бросил её ради другой. Она видела во мне его. Говорила, что я — его копия, и наказывала за всё подряд, будто мстила ему через меня. До пятого класса я ходила в синяках, боялась идти домой, зная, что

там меня ждёт мать с ремнём. Бабушка с дедушкой просили отдать меня им, но она наотрез отказалась — не хотела терять ту, на ком можно вымещать злость.

В один из дней она так разошлась, что чуть не забила меня насмерть.

Я пришла домой из школы, как обычно замирая перед порогом. Я уже была на грани истерики: слёзы подступили к горлу горячим комком, и я всеми силами старалась их сдержать, сжимая челюсти до боли. Мне было до дрожи страшно открывать дверь в наш с мамой дом.

Я уже поднесла руку и коснулась холодной металлической ручки, как дверь резко распахнулась мне навстречу, сшибая меня с ног. Я не успела даже вскрикнуть — просто отлетела назад, больно ударившись спиной о пол.

— Вечно ты путаешься под ногами, бесполезное отродье, — прошипела мама, перешагивая через меня. — Что разлеглась? Вставай давай. — она пнула меня в бок, прямо в рёбра. От удара перехватило дыхание.

Я попыталась вскочить как можно быстрее, но нога соскользнула с гладкого порога. Теряя равновесие и пытаясь не упасть с крыльца, я в слепом ужасе схватилась за первое, что попалось под руку — за маму. Мои пальцы вцепились в карман её куртки, пытаясь найти опору. Она от этого неожиданного рывка пошатнулась и чуть не упала следом за мной.

Это просто взорвало её. На моих глазах она превратилась в настоящего монстра. Её лицо исказилось.

— Ах ты... — выдохнула она.

Схватив меня за шиворот так, что затрещала ткань, она рывком затащила меня в дом, швырнув на пол в прихожей и начался мой персональный ад...

Я тогда долго лежала в больнице. Дедушка спас меня — он сам говорил, что просто почувствовал неладное и пришёл. С того дня мать лишили родительских прав, и я переехала к бабушке с дедушкой. Они всегда просили у меня прощения за неё. Мне повезло, что дедушка дожил до моего совершеннолетия. Бабушка ушла за три года до него, а потом и дед... Я считаю себя сиротой при живой матери.

Но у меня есть дом. Дом, который мне оставил дедушка. Дом, за который я даже судилась с собственной матерью — она и его хотела забрать, но закон был на моей стороне.

Вот я уже открываю дверь в дом, где не была пол года. Спёртый, пыльный запах ударил в нос, а когда-то здесь пахло совсем иначе — добротой, любовью и свежестью, когда были живы бабушка с дедушкой.

Только переступив порог и заперев за собой дверь, я открыла все окна, впуская тёплый ночной воздух, упала на колени и разрыдалась.

Светает. За окном начинают свою утреннюю песню птицы, скоро появится солнце — то самое, которое я так люблю. Но сегодня оно не согреет меня и не порадует. Оно будет светить для других.

Я лежала на полу, пока в голове не начал выстраиваться

чёткий, ледяной план. Первым делом — уволиться. Сегодня же напишу им об этом. Никогда больше я туда не вернусь. Никогда больше не хочу видеть Артура. Я хочу вычеркнуть его из своей жизни, запретить себе даже думать о нём, произносить его имя.

Я сильная. Я справлюсь. Мне просто нужно время, чтобы собрать себя по кусочкам, как разбитую вазу. Он не уничтожил меня. Ему меня не сломать.

С этой мыслью я наконец заставила себя подняться с пола. Протёрла руки и щёки влажными салфетками, стирая остатки вчерашней туши и ночных слёз.

Я начну новую жизнь. С чистого листа. Я больше никогда не впущу предателей в свой мир. Я закрываю эту дверь на замок. Отныне я никого не пожалею и не пощажу.

Я включила телефон, и на меня тут же посыпались сообщения от Юльки и её мужа Антона. Они явно с ума сходили от беспокойства. Господи, какая же я дура. Заставила переживать самых близких людей. Нужно было сразу написать им, что всё в порядке, а подробности я расскажу позже. Я уже открыла диалоговое окно, как телефон зазвонил — это была Юлька. Раннее утро, а она не спала, ждала и переживала...

— Ты в порядке? Что случилось? Где ты? — затараторила подруга, как только я ответила.

— Всё хорошо, прости, что так пропала и заставила волноваться.

— Да мы уже все морги и больницы обзвонили! Ты не от-

вечаешь, Артур не отвечает... В голову сразу полезли страшные мысли, — отчитывала меня Юлька. — Где вы были?

— Юль... — голос предательски задрожал, я снова была на грани истерики, но заставила себя выдохнуть. — Он вчера сделал предложение. Но не мне.

— Как это... а кому? — непонимающе спросила она.

— Ане. Той самой Ане Гвоздевой, нашей «подружке», — ровным, мёртвым голосом ответила я.

— Не может этого быть, — безэмоционально произнесла Юлька.

— Именно это и было, — подтвердила я.

— Я просто не знаю, что сказать... Я не могу этого понять. Не плачь, — тут же строго добавила она, услышав мой судорожный всхлип — остаточное явление после недавней истерики.

— Не плачу. Я больше не плачу. И не заплачу.

— Так и надо.

Мы проговорили около часа. Я объяснила, что мне просто необходимо побыть в тишине, и Юлька пообещала приехать, как только у Антона будет выходной — то есть через несколько дней. Мне и правда были жизненно необходимы эти дни одиночества. Я попросила её не тревожить меня, просто изредка писать, чтобы она знала, что я цела. Она всегда была такой — понимающей, родной, всегда рядом.

Утром, когда рабочий день был уже в самом разгаре, в мессенджер посыпались сообщения от коллег. Все спраши-

вали, почему я уволилась. Надо же. Оказывается, Артур всё сделал сам, сообщив им, что я «нашла своё призвание в другом месте». Ну пусть так.

Ближе к обеду пришли два уведомления о зачислении. Мне пришла сумма гораздо больше, чем должна была, — он даже выписал мне премию. Я смотрела на эти цифры и рассмеялась. Мне не было смешно, мне было до слёз больно от всего происходящего.

Что ж, у меня есть деньги на первое время. Можно просто выдохнуть, прийти в себя и начать заново строить свою жизнь. Возможно, я вернусь в Москву. Хотя нет. Не «возможно». Точно вернусь. Но не сейчас.

К вечеру я полностью привела дом в порядок: перестирала всё бельё, вымыла полы до блеска. Сходила в магазин, прошлась по таким родным, почти забытым улицам... Завтра схожу проведаю своих на кладбище и приберусь на могилках.

Пожелав спокойной ночи Юле и Антону, я легла в свою кровать возле окна и стала смотреть на небо. Лето, тепло, приятный лёгкий ветерок задувал в дом ароматы ночных цветов.

Я справлюсь. Я сильная. Я повторяла это как мантру, пока не уснула.

Утро. Я совершенно не выспалась, хотя проспала почти десять часов. Полежала немного и всё-таки заставила себя встать — мысли о случившемся вернулись с новой, удушаю-

щей силой. Мне нужно отвлечься, что-то делать, физически загрузить себя, чтобы не сойти с ума.

Я поняла, как сильно мне сейчас необходима Юлька. Мне нельзя быть в одиночестве, я просто не справляюсь... Но звать её невозможно: у неё маленький Матвей, оставить его не с кем, да и ехать ко мне далеко. Остаётся только ждать, когда они сами приедут.

Выпив кофе и собравшись с духом, я направилась на кладбище.

Подходя к могиле тёти, я встретила там её сына, моего троюродного брата Димку. Он сильно переживал потерю — мама была невероятно доброй и ласковой. На похоронах он как ребёнок плакал в моих объятьях, картина была ужасной. Я даже не удивилась, увидев его там. Так и думала, что он будет часто навещать её, ведь между ними была какая-то особенная, почти невидимая связь. Она поддерживала его во всём, никогда не лезла в душу, с огромной теплотой приняла его невесту, а теперь и жену. Она и правда была самой лучшей мамой.

— Дим, — тихо окликнула я его.

— Сонька! Ну ничего себе! — он тут же заулыбался, подошёл и крепко обнял. — Ты чего приехала-то? А где твой жених? Мне ведь так и не удалось с ним познакомиться. — он даже заглянул мне за спину, словно Артур просто где-то задержался и сейчас подойдёт.

— А у меня больше нет жениха. Всё.

— Так. Понятно. Идём, — он взял меня под руку и уверенно повёл прочь с кладбища.

Я не спрашивала, куда он меня ведёт. Мне было всё равно. Мы приехали в его дом, где нас встретила его жена, Марина. Видимо, на моём лице отразилась вся боль, потому что она не задала ни одного вопроса. Просто провела в дом, усадила за стол и налила мне кофе, плеснув туда изрядную порцию коньяка.

— Это чтобы унять разбушевавшиеся нервы. Так надо, не спорь, — сказала она.

После моего рассказа о том, как поступил Артур, Дима вскочил со стула и начал мерить шагами кухню, кипя от ярости.

— Морду ему набью. Давай адрес, я прямо сейчас поеду и разукрашу этого урода. Будет знать, как поступать нельзя! — злился он. — Решил поиздеваться? Унизить? Да я его сам так унижу, что ему будет стыдно на улицу выйти. Никому не позволю трогать моих родных, а тем более — так издеваться.

Димка может. Он всегда был таким — защитником слабых.

— Дим, ну что ты... Не нужно. Жизнь сама расставит всё по своим местам, — на самом деле я даже немного испугалась, что он и правда сорвётся прямо сейчас.

— Расставит. Конечно. Но за сестрёнку мою ему ещё прилетит.

Марина подошла ко мне сзади и крепко обняла за плечи.

— Обещай, что не будешь больше плакать и страдать из-за этого недомужика. Он не стоит твоих слёз. Он не стоит ничего. Обещай! — требовательно сказал брат.

— Обещаю, что совсем скоро полностью отпущу всё, что произошло. На это просто нужно время.

— Да. Время нужно, согласен. Так, девчонки! — хлопнул он в ладоши, резко меняя тон. — Сегодня у нас сборище на озере: шашлык, рыбалка, уха. Сбор через два часа. Давай-ка, Сонечка, иди собирайся, тебе срочно нужно расслабиться и проветрить голову. Компания собирается большая, скучать будет некогда.

И вот мы уже на нашем красивом озере. Здесь всё как и было раньше: родные места, знакомые лица. Только несколько человек, которых я совсем не знала.

Девчонки тут же увлекли меня за собой помогать накрывать складные столики. Никто ничего не спрашивал и не выпытывал — видимо, Марина их предупредила. Спасибо ей за это. Здесь все прекрасно знали, что у меня был Артур, что мы жили вместе. Мы даже приезжали сюда с ним несколько раз, когда разгорелся тот страшный спор с матерью из-за дома. Если бы не он, я бы, наверное, просто опустила руки и не стала ничего отстаивать. Это Артур тогда сказал, что дело в принципе. Что я могу потом оставить этот дом, забыть о нём, хоть сжечь или снести — главное, чтобы ничего не досталось матери-садистке.

Вечер. Тепло. Я сижу на складном стульчике у самого

костра. Так спокойно, так хорошо и уютно. Кто-то вдалеке негромко перебирает струны гитары, играя старые дворовые песни, кто-то ушёл к воде ловить рыбу, кто-то ведёт тихие беседы. Я подняла глаза к небу и замерла. Здесь, вдали от городских огней, кажется, что звёзды совсем близко — протяни руку и достанешь. Небо просто усыпано ими.

— Не замёрзла? — ко мне подошёл Алексей, лучший друг моего Димки. На его лице была тёплая, добрая улыбка.

— Нет, что ты. Мне очень тепло, — я улыбнулась ему в ответ.

— Если тебе понадобится кто-то, с кем просто захочется поговорить, я всегда к твоим услугам. Не держи всё в себе, Сонь.

— Дима сказал? — мне бы не хотелось, чтобы подробности моего унижения стали достоянием общественности.

— Сказал. Но не переживай, дальше меня это не уйдёт. Я же врач, считай, что это врачебная тайна, — он снова ободряюще улыбнулся. Алексей действительно хирург в нашей местной больнице.

— Знаешь что, — продолжил он чуть серьёзнее. — Я завтра занесу тебе волшебные капельки. Расскажу, как принимать, чтобы ты могла спокойно спать. Они абсолютно безопасные, просто помогут нервной системе немного выдохнуть.

— Спасибо. Буду очень благодарна тебе, — искренне ответила я.

Мне было так хорошо, так по-настоящему спокойно, и мне отчаянно хотелось, чтобы этот день никогда не заканчивался.

Я отправила Юльке несколько фотографий. Она тут же ответила, что безумно хотела бы оказаться рядом, в этой замечательной и родной компании, и что с завистью рассматривает мои снимки. Это заставило меня улыбнуться.

Уже начинает светать, все стали нехотя собираться по домам. А мне так не хотелось уходить в пустой дом, снова погружаться в тишину и бесконечный круговорот своих мыслей...

Я лежала и снова смотрела в окно, не мигая. Солнце медленно, но неотвратимо поднималось всё выше, заливая комнату утренним светом. Начинался новый день, а я так и не смогла заснуть. В груди невыносимо пекло — там, где ещё вчера жила любовь, теперь тлел уголёк личного горя.

Пролежав без сна ещё несколько часов, я всё-таки заставила себя встать. Умылась ледяной водой, налила крепкий кофе. Но чувство полной, абсолютной разбитости с новой силой обрушилось на меня, едва я сделала первый глоток. Кажется, никогда в жизни мне не было так физически плохо.

Я мучаюсь. Я буквально физически страдаю от мысли, что прямо сейчас, в этот самый момент, Артур проводит время с Аней. Картинки их близости — их смеха, их переплетённых тел — яркой, обжигающей вспышкой всплыли перед глазами. Зачем он так поступил? За что? Ведь можно было просто

поговорить. Сказать правду. Расстаться, если он так сильно влюбился в неё. Разве я заслужила это? И как давно у них всё началось? Ещё тогда, когда он нервничал перед «предложением»? Боже, зачем он выбрал самый унизительный, самый садистский способ всё закончить?

Я же обещала себе. Клялась. Давала слово, что больше не пролью ни слезинки. Я проиграла эту битву сама себе. Потому что сейчас я просто не могу остановить этот горячий, солёный поток, который обжигает щёки, скатывается на подбородок и впитывается в ворот футболки, оставляя тёмные мокрые пятна. «Умыться слезами»... Теперь я знаю, что это не просто красивое выражение. Это буквально то, что я делаю сейчас.

Я с трудом поднялась и посмотрела в зеркало. Глаза опухли, превратившись в узкие щёлочки, и покраснели. На щеках, там, где стекали слёзы, остались воспалённые красные пятна. Я сейчас похожа на огородное пугало. На очень жалкое, сломленное и брошенное пугало.

Это я? Неужели это действительно я? Эта серая тень — я?

«Я сильная». Какая же я была дура, когда повторяла это. Сильные не стоят на коленях в пустом доме. Сильные не умываются слезами. Сильные не позволяют делать из себя посмешище на весь ресторан. Нет. Я не сильная. Я — фарфоровая кукла, которую уронили на кафельный пол. И теперь все эти осколки режут меня изнутри. Каждый вдох — как битое стекло.

За что это уродство? Он же видел меня красивой. Он говорил, что у меня «сияющие глаза». Он целовал эти щёки. А теперь на что я похожа? На сумасшедшую. На брошенную, истеричную бывшую. Именно такой он и хотел меня показать. Ему мало было просто уйти. Ему нужно было прийти с кольцом к другой на глазах у всех. Ему нужно было заставить меня сидеть там, улыбаться, а потом — бежать, как побитая собака. Он хотел, чтобы я выглядела вот так. Жалко. Чтобы Аня посмотрела на меня и поняла — она выиграла. Королева бала и её бледная тень.

Дедушка... Что бы ты сейчас сказал? «Встань, Соня. Соберись. Запри дверь и не пускай никого». Дедушка никогда не любил слёзы. Он бы заставил меня умыться ледяной водой не потому, что ему меня не жаль, а потому, что холод отрезвляет. Он бы сказал: «Они хотели твоей крови? Не дождались. Хотели твоих слёз? Утрись. Дом твой. Жизнь твоя. А они — просто мусор, который ты вынесешь по пути».

Мусор. Да. Он — мусор. И Аня — мусор. Два сапога пара. А я... я просто наступила в них. Пора вытирать подошвы.

Я включила ледяную воду и плеснула её в лицо, смывая остатки слёз. Кожу обожгло холодом. Я смотрела на себя, на свои воспалённые глаза, и впервые за эту ночь в моём сознании не было паники. Только звенящая, ледяная пустота.

— Хватит, — тихо сказала я своему отражению. — Хватит реветь из-за человека, который носит в кармане нож, чтобы бить им в спину.

Я вытерла лицо жёстким полотенцем. Красные пятна никуда не делись, но взгляд изменился. В нём больше не было жертвы. Только выжженная земля.

Я отомщу. Да. Я отомщу ему за каждую секунду этих страданий. Пусть я потом поплачусь за это, пусть высшие силы накажут меня, но я отомщу. Пусть моя месть будет мелкой, жалкой, унизительной — плевать. Она всё равно будет моей. И он точно будет знать, от кого это прилетело.

Мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя и вытравить из души остатки любви к Артуру. Вытравить его из себя, как дьявола. Мне нужно сознательно вырастить в себе чёрную, глухую ненависть. Только она даст мне силы. Только она не позволит свернуть с тропы мести. Только она не даст пожалеть его — так, как он ни секунды не пожалел меня.

Резкий, требовательный стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Он был не просто громким — в нём звучала какая-то наглая, хозяйская властность. Словно человек за дверью не просил впустить, а приказывал открыть.

Я подошла к двери и распахнула её. Именно этого человека я не хотела видеть больше никогда в жизни.

— Я увидела, что ты приехала, и решила зайти, — мать переступила порог, даже не дожидаясь приглашения, и прошла в дом так, будто он по-прежнему принадлежал ей. — В отпуск? — она растянула губы в улыбке, но это был скорее оскал. Тот самый, до боли знакомый, с которым она всегда надо мной издевалась.

— Зачем ты пришла? — мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя внутри всё сжалось в тугой комок. Я как будто снова стала тем маленьким, запуганным ребёнком, который робеет и боится, даже когда её бьют. Той девочкой, которая плакала, но продолжала любить и верить, что мама однажды изменится.

— Что за вопросы? — она фыркнула. — Я пришла проведать «свою дочь», — последние два слова она выплюнула с такой брезгливостью, словно говорила о грязи на подошве. Если бы я не знала её, я бы даже не заметила этой мелочи. Но я знала.

— У меня всё хорошо, — отрезала я.

Она тем временем прошлась по комнате, по-хозяйски осматривая стены, которые помнили только любовь дедушки и бабушки.

— Я вижу. По твоему лицу всё вижу.

Она остановилась и смерила меня взглядом патологоанатома.

— Либо ты стала пьяницей и лицо опухло от алкоголя, либо провела бессонную ночь, проливая слёзы. Так что из двух вариантов верно?

— Ни один. Всё на этом? У меня много дел.

— Ты гонишь меня?! Я твоя мать! — рявкнула она, и в этом крике не было ничего человеческого.

— Ты мне не мать. Тебя лишили этого звания, — я старалась говорить ровно, не позволяя голосу дрогнуть, хотя ко-

лени подкашивались от страха.

Мать посмотрела на меня совершенно невменяемым, злым взглядом, полным чистой, концентрированной ненависти. Но она быстро взяла себя в руки и снова оскалилась. На этот раз её новость была страшнее любого крика.

— А у меня сегодня праздник. Я узнала, что твоя мачеха вчера сдохла. Её, говорят, просто размазало по трассе, в буквальном смысле. Соскребали с асфальта, — она мечтательно прикрыла глаза. — Жаль, что я не видела. А её младший выродок... — она сделала театральную паузу, смакуя момент, — доживает последние часы. Я очень надеюсь, что это случится сегодня. Было бы символично. Но, как обычно бывает, такие твари невероятно живучие. Цепляются за жизнь из чистого упрямства. Карма наконец-то догнала твоего папашу.

Я стояла, вцепившись пальцами в дверной косяк, чтобы не упасть. Воздух застрял в лёгких. Как? Как можно получать удовольствие от смерти человека, а тем более ребёнка?

— А какая карма у тебя? — резко спросила я, перебивая её торжествующий монолог. Я просто физически больше не могла этого слушать.

— У меня? — она искренне, театрально изумилась, всплеснув руками. — А я-то в чём виновата? Я — жертва! Во всём виноват твой отец. Это он меня довёл! Это он сотворил из меня стерву! Это он один, слышишь, один виноват во всём! Я просто защищалась!

— Защищалась?! — я горько, почти истерически рассме-

ялась, отступая на шаг вглубь комнаты. — Избивая меня до синяков? Почему ты не пошла к нему? Почему ты не нашла его и не выместила свою поганую злость на нём, мама? Почему твоей мишенью всегда была я?!

Мой вопрос попал в цель. Мать на секунду растерялась, её искусственный оскал дрогнул, обнажив что-то настоящее — уязвимое и жалкое.

— Я не хотела детей! — её голос внезапно сорвался на визг, резкий и неприятный, бьющий по ушам. — Ясно тебе?! Не хо-те-ла! Это всё он! Он меня заставил! Семья ему была нужна, домашний уют, чёртов ребёночек! Я не хотела! Я молодая была, я жить хотела! А он... он на коленях ползал, умолял, «Машенька, давай, я всё для тебя сделаю»... Я дура, поверила! Сдалась! И что в итоге?! — она ткнула в меня дрожащим пальцем. — Что в итоге?! Он просто взял и свалил! Сбежал к этой крашеной дряни! Даже тебя не забрал! Оставил мне! Оставил твою поганую мордашку, как напоминание о своём предательстве! Оставил свою копию!

Она начала метаться по комнате.

— Я каждый день... каждый час... — она задыхалась, хватая ртом воздух. — Я каждый миг видела в тебе его! Его нос! Его глаза! Его ухмылку! Того, кто меня предал! Того, кто променял меня на какую-то шалаву! Того, кто сломал мне жизнь! Ты — его ошибка! Ты — моё наказание! Ты родилась, чтобы мучить меня!

— Ты сама себя слышишь? — мой голос прозвучал пуга-

юще ровно. — Ты издевалась над беззащитным ребёнком...

— Я его ненавидела! — перебила она меня, брызжа слюной. — Ненавидела! Как только ты начала из меня лезть, я уже тебя ненавидела! И эту кровь... столько крови... врачи сказали — осложнения... Это всё из-за тебя! Ты мне всю жизнь испортила! Ты мне здоровье угробила! Я молодая была... красивая... А он меня в этом посёлке гнилой оставил... С тобой... С орущим свёртком... Я жизни не видела! Я из-за тебя всё потеряла! Из-за тебя! Я смотрела на тебя и видела только его!

— Почему ты сразу не отдала меня? Бабушке и дедушке, которые умоляли об этом? Или просто в приют? Ты держала меня при себе. Как девочку для битья. Как живую куклу, на которой можно срывать злость.

— Так и было, — совершенно спокойно, почти лениво согласилась она, пожав плечами. В её глазах не было ни капли раскаяния. Только скука.

В этот момент что-то во мне окончательно оборвалось. Та тонкая, болезненная нить, которая всё ещё связывала меня с этой женщиной, лопнула с оглушительным звоном.

— Уходи, — я произнесла это тихо, но мой голос прозвучал как приговор. — Уходи и не приходи больше. Никогда. Ты мне не мать, я тебе не дочь. Мы чужие люди. Между нами нет ничего. Иди. Иди и упивайся чужими трагедиями, смейся, веселись и танцуй на костях. Это единственное, на что ты способна.

— У тебя никогда не будет нормальной жизни. Никогда. Ты — сатанинское отродье. Я ненавижу тебя всеми фибрами своей души. И однажды я приду и станцую на твоей могиле, это будет скоро. — совершенно спокойно, почти ласково произнесла эта женщина.

Ни один мускул на её лице не дрогнул. Ни одна жилка не дёрнулась. Она смотрела на меня своими ясными, ненавидящими глазами, и от этого ледяного спокойствия её слова звучали в сто раз страшнее, чем любой крик. Это была не истерика. Это был вынесенный приговор.

Развернувшись, она вышла из моего дома. Вышла как победительница, не получившая отпора. Я услышала только громкий, оглушительный хлопок двери, от которого, казалось, дрогнули стёкла в окнах. Эхо этого удара ещё долго звенело в моих ушах.

Я стояла, вцепившись похолодевшими пальцами в дверной косяк, и не могла пошевелиться. Ноги стали ватными. Медленно, как во сне, я дошла до окна и проводила взглядом её удаляющуюся фигуру.

Она ушла.

Мать...

Это слово больше не имело ко мне никакого отношения. Оно было пустым звуком, издевательской насмешкой. Женщина, которая только что прокляла меня и пообещала танцевать на моих костях, не имела права носить это звание.

Я прижала ладонь к губам, пытаясь сдержать рвущийся

наружу истерический смех. Или плач. Я сама не понимала, что это. Внутри была звенящая, выжженная дотла пустота. Она не просто ушла. Она забрала с собой последнее, что оставалось от моего детства — иллюзию, что у меня когда-то была мать.

Я решительно допила остывший, горький кофе и резко отодвинула стул. Ноги сами несли меня к двери — нужно было куда-то идти, что-то делать, начинать эту чёртову месть прямо сейчас. Я отомщу всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.